

Перед самым Новым годом снег выпадал дважды, и в первый раз он шел, не переставая, двое суток кряду.

Едва закончив с завтраком, Ли Чжоучжоу приставил лестницу к стене, собираясь взобраться на крышу и смести сугробы. Гу Чжао тут же преградил ему путь.

— Я сам поднимусь, — решительно заявил он.

— Ну как же так, муж мой? — всполошился Чжоучжоу. — Это ведь опасно.

— Гляди, какой я маленький да худой, — не унимался Гу Чжао, пуская в ход всё свое обаяние. — Под таким, как я, черепица точно не треснет. Ну пожалуйста, Чжоучжоу, позволь мне попробовать!

Ли Чжоучжоу хотел было твердо отказать — крыша обледенела, под снегом скользко, не ровен час муж оступится и сорвется. Но Гу Чжао уже всю ластился к нему.

— Ну Чжоучжоу... Любимый, милый мой любимый... Позволь мне!

Тот, кто не знал сути спора, мог бы подумать, что они делят какое-то редкое сокровище. В конце концов хозяин дома не устоял перед лаской супруга.

— Только будь осторожен, — сдался он. — Ступай медленно.

— Договорились!

Гу Чжао проворно взобрался наверх. Чжоучжоу же так и остался стоять на лестнице, не сводя с него тревожного взгляда. К тому времени, как вся крыша была очищена, ученый изрядно взмок от пота. Спустившись, он с гордостью посмотрел на мужа:

— Ну, что я говорил? Справился же!

— Натрудился ты, муж мой. Ступай скорее в дом, грейся, я как раз имбирный отвар приготовил, — Чжоучжоу перехватил у него метлу и легонько подтолкнул к дверям.

Тем временем Ли Да уже управился со снегом во дворах, сгребя его в высокие кучи.

Вскоре всё семейство собралось в главной комнате у печи. Юноша разлил по чашкам горячий отвар из имбиря и солодового сахара, который томился в котле.

— Осторожнее, горячо, — предупредил он, подавая чашки отцу и мужу.

Ли Да отхлебнул жгучего напитка и выглянул в окно. Прошло совсем немного времени, а вычищенный двор снова подернулся белой пеленой.

Снег во дворе — дело поправимое, его можно и не чистить слишком часто, протоптав лишь узкие тропинки. Но вот на крышах за ним глаз да глаз нужен: если навалит слишком много, тяжесть может переломить несущие балки. В деревне помнили случай, когда под тяжестью сугробов рухнул дом одного лентяя; к счастью, сам хозяин тогда не пострадал.

Дом семьи Ли, выстроенный из синего кирпича под черепичной кровлей, был в свое время поставлен на совесть — балки для него выбирали самые толстые и крепкие. И всё же в зимнюю пору осторожность лишней не бывала.

— Нынче холоднее, чем в прошлом году, — заметил Ли Чжоучжоу, прихлебывая сладковатый взвар. Хорошо всё-таки, что муж придумал эту печь.

Снегопад, казалось, не собирался прекращаться: стоило хлопьям чуть поредеть, как небо вновь затягивало и на землю опускались тяжелые «гусиные перья». Деревня замерла. Люди сидели по домам, и лишь изредка тишину прорезал детский плач или чья-то ругань.

Чжоучжоу, возившийся на кухне, услышал, как за стеной, у соседки Ван, зашлась в плаче маленькая Линлин.

— Я же велела тебе присматривать! — донесся резкий голос тётушки Ван. — Как заплачет — сразу меня зови! Как ты смотрела?!

— Мне холодно было... — всхлипывала Линлин. — Я и забыла про племянника...

— Никакого толка от тебя! Ребенок в постель наделал, а в такой мороз попробуй-ка отстирай да высуши! И слов-то на тебя не хватает...

Потом послышался голос невестки тётушки Ван — та пыталась утихомирить свекровь, обещая сама всё застирать.

Чжоучжоу по этим обрывкам сразу понял, в чем беда. Старшая невестка соседки родила мальчика в середине года, сейчас ему и полугода не исполнилось. Сегодня из-за метели мужчины были заняты крышами, а тётушке Ван с невесткой на кухне хлопот хватало — семья большая, всех накормить надо. Вот и поручили четырехлетней Линлин присмотреть за младенцем на кане.

Но разве дитя в таком возрасте уследит? Сама замерзла, забралась под одеяло и задремала, а племянник тем временем испачкал пеленки. Зимой такая оплошность — сущая мука: сохнет

всё долго, того и гляди, загниет от сырости.

— Проклятый снег, конца и края ему нет! Холодина-то какая... — ворчала тётушка Ван. — Ступай скорее стирай. После обеда над очагом повесим, пусть хоть так сохнет, а то ночью спать не на чем будет.

Ли Чжоучжоу невольно прислушался к соседским дрязгам, но вскоре вернулся к своим делам. К обеду он приготовил простое, но сытное блюдо: томил в котле зерновую кашу, а к ней подал тушеные ломтики мяса с тофу и капустой в кислом рассоле. Прямо поверх каши он выложил это горячее кушанье.

На печи в зале дожидался горячий суп — наваристый, за утро ставший молочно-белым. В него Чжоучжоу добавил кубики замороженного тофу. Муж обожал такой тофу, а вот к редьке был равнодушен, поэтому Ли старался баловать его почаще.

— Замороженный тофу — это чудо какое-то, — довольно пробормотал Гу Чжао, подцепляя палочками пористый кусочек.

После заморозки поры в тофу становятся крупными и, пропитываясь бульоном, вбирают в себя весь вкус. Стоит надкусить — и рот наполняется ароматным соком.

Пока семья Ли мирно обедала, за стеной у Ванов снова поднялся шум. Тётушка Ван принялась распекать второго сына, а затем донесся плач старшего внука. Впрочем, крики быстро стихли. У Ли не любили чужих сплетен: покончив с едой, каждый занялся своим — Гу Чжао ушел к книгам, а Ли Да отправился во двор, воевать со свежими сугробами.

Вторая половина дня прошла в тихих заботах. Ли Чжоучжоу устроился у печи, подбивая подошвы для новой обуви мужа — хотел сделать их теплыми, с ватной подкладкой. Работа шла медленно, стежки он клал мелкие и частые, стараясь на совесть. Когда начало смеркаться, он отложил шитье и бесшумно прокрался к лестнице, чтобы снова очистить крышу.

Ужин был простым. Кости, на которых утром варился бульон, юноша выбрасывать не стал: залил водой и снова поставил на огонь, добавив к вечеру капусты, редьки и домашней лапши. Такой суп выходил куда вкуснее обычной лапши на пустой воде.

Поскольку готовить долго не пришлось, Чжоучжоу не спешил разводить большой огонь. Закончив с крышей, он быстро замесил тесто, раскатал его и нарезал ровными лентами. Бульон на печи уже закипел. Пусть он был не таким белым, как утром, — не беда. Выловив кости, он отправил в котел лапшу и овощи.

При свете масляной лампы семья села за стол. У соседей снова слышались споры.

Гу Чжао прислушался. Раньше, когда еще не было снега, внук тётушки Ван плакал редко. Но

сейчас холода ударили не на шутку. Ли Да принес в дом печь, и хотя поначалу он сомневался, стоит ли её топить днём, Чжоучжоу настоял на своём.

Не будь в комнате этого очага, даже взрослому человеку пришлось бы туго. Что уж говорить о полугодовалом младенце? Судя по всему, у Ванов днём кан не топили — берегли дрова, разжигая огонь лишь перед сном. Вот ребенок и заходился криком от холода.

— Тётушка Ван дрова экономит, — пояснил Ли Чжоучжоу, заметив любопытство мужа. — У них дом тесный, сейчас-то еще ничего, а года через два-три Линлин подрастет, ей уже нельзя будет с родителями на одном кане тесниться. Второму сыну жену искать надо, новый дом построить... На всё это деньги нужны.

— Но ведь в горах валежника полно, — удивился Гу Чжао. — За него платить не надо. Неужели они запасов не сделали?

Странно это было. У соседки двое сыновей: младшему двенадцать, много не унесет, но старший-то уже взрослый, отец семейства. Неужто не подготовился к первой зиме своего первенца?

— После жатвы в поле дел невпроворот, — вступил в разговор Ли Да. — В ту пору у подножия гор сучья сухие все подчистую собирают. Кончается валежник — приходится за дровами глубоко в лес идти, деревья валить да на себе тащить. Путь неблизкий, времени и сил уйма уходит.

Видно было, что Гу Чжао за дровами в лес никогда не хаживал.

— Муж мой, — добавил Чжоучжоу, — скоро Новый год. В городе многие не могут позволить себе уголь, вот и покупают дрова для тепла. Жители окрестных деревень, когда едут за покупками, прихватывают с собой охапки на продажу. Сейчас цена на них задрана — за одну вязанку можно выручить до пятидесяти-шестидесяти вэней.

Деревья в лесу просто так не рубят — только если на балки для нового дома.

Учёный Гу принял это к сведению и больше о соседях не расспрашивал. Чжоучжоу, как и его отец, с виду казался суровым и неразговорчивым, но под этой ледяной коркой билось мягкое и доброе сердце. Гу Чжао знал: мужу жаль соседское дитя.

Но в чужую семью со своим уставом не лезут. Оставалось лишь надеяться, что старший сын тётушки Ван пожалеет своего ребенка и убедит родителей не скупиться на дрова.

После ужина, умывшись, они рано легли. Каны в обеих комнатах были жарко истоплены, но Гу Чжао всё равно по привычке прижался к супругу. Тот был только рад: обнял своего маленького мужа и покрепче подоткнул одеяло.

К середине ночи кан начал остывать, и Гу Чжао, не просыпаясь, еще теснее вжался в теплые объятия супруга. Ему было удивительно покойно.

Наутро, едва открыв дверь, Ли Чжоучжоу ахнул: сугробы во дворе намело по колени, и это притом, что отец чистил двор вчера после ужина. Первым делом Чжоучжоу полез на крышу. Его супруг вскоре тоже вышел — принялся очищать кровли кухни, дровяника и амбара.

Ли Да взялся за двор. К тому времени, как с делами было покончено, хозяин Ли весь взмок.

— Схожу-ка я в деревню за тофу, — вытирая лоб, сказал он. — Может, еще осталось чего.

— Не надо сегодня тофу, — окликнул его Гу Чжао. Он тяжело дышал от непривычной работы. Глядя на раскрасневшегося, но ничуть не уставшего мужа, ученый только вздохнул про себя.

«Надо больше тренироваться!»

Чжоучжоу послушался: в такую пору тофу, небось, раскупили еще на рассвете.

Зимой в деревне разносолов мало: капуста да редька. Свежий тофу считался роскошью. Всё остальное — соленья да моченые овощи, причем опять же из капусты и редьки. Вот и вертелись хозяйки вокруг одних и тех же продуктов: каша, похлебка да лапша.

В семье Ли благодаря стараниям Гу Чжао на столе частенько бывал мясной бульон, так что жили они куда сытнее соседей. Несмотря на усталость после уборки снега, Чжоучжоу не хотел «перекусывать чем бог послал». Он любил готовить и не считал это обузой.

Умывшись, он ушел на кухню. Поставил томиться зерновую кашу, а так как свежего бульона не было, решил нарезать мясо тонкими ломтиками и обжарить его.

На большом огне дела спорились быстро. Вскоре по дому поплыл аппетитный аромат. Юноша переставил котел на заднюю конфорку, а в передней растопил немного свиного жира для жарки.

Вскоре обед был готов. Ли Да к тому времени уже разжег печь в зале. Семья уселась вокруг огня: так еда не остывала слишком быстро. В былые годы, если готовили на свином жире, приходилось торопиться, иначе блюдо мгновенно подергивалось белой коркой и становилось невкусным.

Только они принялись за еду, как в ворота постучали.

— Кажется, это тётушка Ван, — Ли Чжоучжоу отложил палочки и пошел открывать.

Это и впрямь была соседка, а с ней — маленькая Линлин. Чжоучжоу пригласил их в дом. Снаружи было зябко, метель не утихала, и гости поспешили в тепло.

— Ох, как же у вас хорошо, — выдохнула Линлин, — и пахнет-то как...

Тётушка Ван во все глаза смотрела на печь в зале и на накрытый стол. Мясо на свином жиру? Видать, богато живут... Да еще и днем сухую кашу едят, когда работы в поле нет. Расточительство, чистое расточительство.

— Присаживайтесь, тётушка, — Чжоучжоу подставил ей скамью и из вежливости спросил, не голодны ли они.

Соседка села, подтвердив, что они уже обедали — спозаранку перехватили жидкой похлебки.

— Испили бы вы горячего чаю с Линлин, — Гу Чжао подошел с чайником. Ли Чжоучжоу хотел было перехватить его, но муж мягко отстранил его руку: — Ты ешь, Чжоучжоу, а то остынет всё. Я сам угощу гостью.

При чужих людях муж называл его так ласково... Юноша смутился, но послушно вернулся к еде.

Тётушка Ван, заметив эту сцену, понимающе улыбнулась.

— И то верно, не губите обед. Мы с Линлин просто зашли словом перекинуться, дела-то невеликие.

На печи как раз поспел кипяток. Гу Чжао наполнил чайник и, заметив, как девочка завороченно смотрит на огонь, убрал котел с конфорки, поставив его на пол.

— Грейся, малышка, — улыбнулся он.

— Матушка, как тепло-то! — Линлин обернулась к матери.

— Смотри только, не обожгись, — строго наказала та.

Гу Чжао подал чашку чая тётушке Ван. Когда он потянулся за второй, та остановила его — мол, не надо, ешьте скорее. Муж не стал настаивать.

В деревне в дом Ли заглядывали редко. За всё время ученый видел у них только Син-гэ'эра.

Обед быстро закончился. Пока супруги убирали со стола, Ли Да, не желая мешать женским

разговорах, накинул куртку и ушел — проверить, как там озимые под снегом.

— Матушка, он сладкий! — шепнула Линлин, когда хозяева скрылись на кухне.

— Сладкий? — удивилась мать. Она отхлебнула из своей чашки — и впрямь, чай был сдобрен сахаром. Несмотря на то что он немного постоял, напиток оставался приятно теплым. В этом зале было куда уютнее, чем в её комнате с истопленным каном.

Мать и дочь с удовольствием осушили чашки. Линлин облизнулась, явно желая еще. Заметив, что никто не возвращается, соседка потихоньку подлила еще чая из чайника себе и дочери. В чайнике он был еще горячее.

Когда Ли Чжоучжоу закончил с посудой, они с мужем вернулись к госте.

— Пойду я к книгам, Чжоучжоу, — ласково проговорил Гу Чжао.

— Ступай, муж мой.

Тётушка Ван лишь диву давалась. Видать, правду болтают в Дунпине: Ли Чжоучжоу в этом доме всем заправляет.

Как только Гу Чжао закрыл за собой дверь, соседка заметно расслабилась и вскоре перешла к делу. Впрочем, деревенские женщины, прежде чем высказать просьбу, всегда долго ходят вокруг да около.

— Снегу-то навалило, холодина несусветная... — начала она. — Всю ночь глаз не сомкнула, боялась, как бы крыша не рухнула. Мужчины мои среди ночи полезли сугробы счищать.

Стены у Ванов были глинобитными, крыша — из простой черепицы, да и само строение было древним. Под тяжестью мокрого снега оно и впрямь могло не выдержать.

— Намаялись бедняги, едва в дом зашли — замертво упали. Утром, смотрю, спят еще. Решила я им тофу купить, побаловать за труды, а то всё капуста да редька... Там-то я про печку и услышала. Сначала-то не поняла, думала — про обычный очаг болтают, а как прислушалась...

Ли Чжоучжоу сразу всё понял: соседка прослышала про их приобретение, пока стояла в очереди за тофу.

Видать, Син-гэ'эр раззвонил. В деревне только у них двоих такие печи были, но секрета в этом никакого не было.

— Мы её в Шили заказали, у гончара Чжу, — кивнул Чжоучжоу. — Вместе с котлом тридцать вэней вышла.

— Тридцать? — хитро прищурилась тётушка Ван. — А болтают, что за двадцать отдают...

Она нарочно так спросила. Утром в очереди женщины только и обсуждали новинку. Мол, Лю Хуасян, мачеха Син-гэ'эра и невестка семьи Ли, вчера тоже за тофу приходила и всё расписывала: печь, мол, необыкновенная, дрова бережет, тепло дает — чудо, да и только.

Лю Хуасян — это жена Второго Ли и тетка Ли Чжоучжоу.

Тётушка Ван, пока ждала свою порцию тофу, всё разузнала. Стоило Лю Хуасян вчера заикнуться о печи, как её тут же обступили. Мол, где взять, почем стоит, как выглядит?

Лю Хуасян возьми да и ляпни: мол, снег сойдет — поезжайте в Шили к гончару Чжу, тридцать вэней за штуку. Но тут же добавила, красуясь: а вот нашему Син-гэ'эру она всего в двадцать вэней обошлась.

Тут уж бабы зашумели: как так? Почему им по тридцать, а ему — по двадцать? Небось госпожа Лю сама хочет на них по десять монет с каждой штуки навариться?

Та на самом деле просто хотела прихвастнуть, что у её пасынка в Сипине у первого такая вещь появилась. А когда Син-гэ'эр сказал ей, что Ли Чжоучжоу купил такую же еще раньше, она и слушать не стала: разве можно этого Ли с её сыном сравнивать? Но когда её прижали к стене расспросами, она совсем запуталась, хотя Син-гэ'эр строго-настрого наказывал про цену в двадцать монет помалкивать.

Деваться было некуда, вот она и выдала: мол, у сына таланты особенные.

Её снова спрашивают: раз сын такой талантливый, почему же тебе, матери, за тридцать покупать приходится?

Лю Хуасян, не найдя что ответить, схватила свой тофу и поскорее убралась восвояси.

Деревенские-то её натуру знали: любит языком почесать, приврать для красного словца. Но в остальном баба она была не злая, мелочной выгоды не искала, а если её похвалить как следует — могла и семечек горсть отсыпать.

Решили бабы самого Син-гэ'эра расспросить, а заодно и на диковинку поглядеть. Весь вчерашний день у того в доме народ не переводился: котел за котлом воду кипятили, печью любовались.

В общем, тётушка Ван утром наслушалась рассказов тех, кто у Син-гэ'эра побывал. Печь и впрямь хвалили. Мужики уже сговаривались с Ли Эром в Шили ехать, как только дорогу расчистят.

Но вопрос о цене в двадцать монет покоя не давал. Тётушка Ван и спросила: в чем подвох?

Ей и объяснили: Лю Хуасян, мол, всё перепутала. Печь эту придумал муж Ли Чжоучжоу, учёный Гу Чжао. Он и чертеж набросал, и слова добрые вырезать велел. Раз он и есть зачинщик дела, гончар ему скидку в десять вэней и сделал.

Люди знали, что госпожа Лю гораздо приврать, и словам Син-гэ'эра поверили больше.

В эти лютые холода многие загорелись покупкой. Сговаривались брать гуртом, чтобы цену сбить — ну, пусть не десять, так хоть пару вэней выторговать.

Соседка, обдумав всё за обедом, и пришла к Ли. Внук от холода криком заходится, пеленки не сохнут, а кан топить — дров не напасешься, их же еще в город везти надо, на продажу...

Выслушав гостью, Ли Чжоучжоу честно признался: отец его дважды в Шили ездил, гончар сначала их заказ себе оставил, как образец, — вот за то скидку и дал.

Тётушка Ван этой тонкости значения не придавала. Посидев в тепле у печи, она из простого любопытства перешла к твердому желанию купить. Вот только платить на десять монет больше, чем Ли, ей было невыносимо обидно.

— Чжоучжоу, — вкрадчиво начала она, — вспомни, я ведь тебе в детстве не раз помогала. Неужто ты не замолвишь за меня словечко перед гончаром? Пусть и нам за двадцать уступит.

Ли Чжоучжоу обещать ничего не стал, ответил мягко:

— Тётушка Ван, торговля-то не моя. Будь я сам гончаром — да разве я бы с вас лишнее взял? Но мы-то печь давно купили, отец говорил — мастер только за дрова взял, считай, задаром трудился. Как же мне теперь снова к нему с просьбами лезть?

Лицо соседки потемнело. Тогда она зашла с другой стороны:

— У вас же две печки. Я видела — вы только одну топите. Может, продашь мне вторую? Мне-то что, что она не новая, главное — за двадцать вэней сторгуемся.

Пусть хоть сто раз использованная, лишь бы скидку в десять монет получить.

— Тётушка, — покачал головой Чжоучжоу, — муж мой учится, ему в своей комнате тепло нужно. Не могу я её продать.

После этого разговора улыбка с лица тётушки Ван сошла окончательно. Она поднялась, не желая больше сидеть.

— Ладно, не надо. Перебьемся как-нибудь. Дети-то привычные, от холода еще никто не умирал.

Забрала Линлин и ушла.

Ли Чжоучжоу проводил их, вернулся и молча вымыл чашки, из которых они пили.

— Муж мой, почему ты вышел?

Гу Чжао притянул его к себе на скамью, устроился поудобнее и легонько ущипнул супруга за щеку.

— О чем это мой Чжоучжоу грустит?

— Ты ведь наверняка всё слышал, — вздохнул тот. — К чему спрашиваешь?

Гу Чжао улыбнулся и легонько сжал пальцы мужа.

— Я в этом доме живу не первый день. По всему видать — тётушка Ван человек неплохой. Сегодня она рассердилась, это верно, но ведь и слова свои нарочно так подобрала, чтобы тебя уязвить. Хотела, чтобы ты виноватым себя почувствовал и печь ей задешево отдал.

«Дети привыкнут, не умрут» — это ведь был прямой удар в самое больное, попытка переложить свои беды и плач замерзшего внука на плечи Чжоучжоу.

— Я понимаю, — тихо отозвался Ли Чжоучжоу. — Раньше я бы, может, и стерпел холод, отдал бы вещь. Но сейчас тебе тепло нужно, а ради тебя я на это не пойду. Просто на душе скверно...

Учёный Гу обнял мужа, прижавшись к нему всем телом.

— Я знаю, что ты меня любишь больше всех на свете. И я тебя тоже очень люблю. Я так тронут...

Чжоучжоу, хоть и было ему тяжело, невольно улыбнулся, глядя на проказы мужа.

Тут и впрямь решения не было. Попроси Чжоучжоу гончара о скидке — мастер бы, может, и уступил. Но за первой соседкой пришла бы вторая, а там и вся деревня... В Сипине слухи не утаишь.

К вечеру снег наконец утих. На следующее утро у ворот семьи Ли собралось несколько человек — сговаривались идти в Шили за печами. Соседки Ван среди них не было — видать, и впрямь решила не покупать.

К закату двое вернулись с обновками за плечами. Остальные шли с пустыми руками: сказали, что заказали, отдали по тридцать вэней и заберут через три дня.

Все эти дни из дома тётушки Ван то и дело доносился плач и ругань. Ли Чжоучжоу оставалось только слушать. Но на следующий день к ним заглянули Линлин со своим двенадцатилетним братом. Дети явно смущались, но хозяин дома, не дожидаясь просьб, пригласил их в дом. Так они и просидели у печи до самого вечера, отогреваясь.

В тот раз Чжоучжоу не стал заваривать чай с финиками и сахаром — они были людьми среднего достатка, на всех лакомств не напасешься. Он заварил чай только для мужа, а гостям подал простую горячую воду. Но и ей Линлин с братом были несказанно рады.

Еще через день двенадцатилетний сын Ванов принес с собой несколько клубней батата и робко спросил, можно ли их запечь. Печь так печь. Когда батат поспел, дети предложили угоститься и Ли Чжоучжоу.

Тот взял лишь маленький кусочек.

Той ночью на душе у юноши стало легко и спокойно. Предавшись любовным утехам с мужем, он лежал, обнимая супруга. Волосы его прилипли к влажному лбу, щеки пылали румянцем. Гу Чжао нежно отвел мешавшую прядь с его лица.

— Полегчало?

Ли Чжоучжоу понял, о чем он.

— Да, — выдохнул он. — Теперь они не просто так греться приходят. Я ведь даже их батат попробовал.

Крохотный кусочек, а какая перемена! Гу Чжао коснулся губами его губ и серьезно добавил:

— Так и должно быть.

Оба понимали: речь шла о той попытке тётушки Ван надавить на жалость.

Когда настал день забирать печи из Шили, народу в поход собралось еще больше. Ванов среди них по-прежнему не было. Но Ли Чжоучжоу это больше не тревожило.

Так прошла неделя. Печи в деревне появлялись одна за другой. Даже Ван-ашу, торговец тофу, купил себе такую. Старший сын тётушки Ван тоже загорелся покупкой и наконец уговорил мать. Но когда он на двадцать восьмой день двенадцатого месяца пришел к гончару, тот уже закрыл мастерскую — на этот год работа была окончена.

Обжиг возобновится только весной.

Новый год для крестьянина — дело святое. Это редкое время, когда можно вволю есть, пить и ничего не делать. Даже госпожа Тянь из семьи Чжан, известная своей скупостью (всё норовила в родительский дом братьям унести), в эти дни покупала кусок мяса, чтобы на столе было жирное.

Считалось: если в праздник работаешь — весь следующий год в ярме проведешь. Такое уж поверье.

Ли Да к тому времени совсем выбился из сил. Пока полдеревни за печами ходило, он затемно съедал кусок хлеба, подхватывал сумку с инструментами и уходил на убой свиней. К двадцать шестому числу он управился в других деревнях и вернулся в Сипин и Дунпин.

Все эти дни в доме Ли не переводились потроха: кишечник, печень, легкие... Благо на морозе всё это хранилось долго.

Двадцать восьмого числа сельчане собрались в город — прикупить чего к празднику. Ли Чжоучжоу решил ехать с ними.

— У старосты есть бык, — сказал он мужу, — нам разрешили место на телеге. Мы поедем спозаранку. Ты ходишь медленно, тебе за нами не поспеть, так что лучше оставайся дома.

Бык в деревне был на вес золота. По пути в город на телеге ехали по очереди, остальную дорогу шли пешком. А вот обратно телегу нагружали покупками.

Право посидеть на возу получали те, кто за словом в карман не лез. Чжоучжоу раньше никогда на телегу не претендовал. В детстве он был мал, а быка у старосты еще не было. Когда же он вытянулся и возмужал, ему было совестно занимать место — вон какой верзила, других стеснит.

Так и ходил всегда пешком. Но мужу он об этом не сказал — не хотел, чтобы тот волновался.

Гу Чжао был уверен, что супруг сможет хоть немного отдохнуть на телеге. Сам он понимал, что только задержит всех в пути, поэтому решил присмотреть за домом.

На рассвете народ собрался у ворот деревни. Кто нес дрова на продажу, кто берет корзину яиц. Ли Чжоучжоу и Син-гэ'эр взяли с собой только пустые корзины.

— Хорошо, что мы в прошлый раз основное купили, — заметил Син.

Юноша кивнул. В этот раз ему нужно было купить сахара да сухофруктов — на праздники предстояло навестить учителя и Учёного Чжу. С пустыми руками идти не пристало.

— Чжоучжоу, ты снова один в город? — окликнул его кто-то из толпы. — Отец твой небось совсем зашился с этими свиньями.

— А муж твой что же не едет?

Ли Чжоучжоу пояснил, что муж его здоровьем слаб и дальнюю дорогу не осилит. Люди сразу вспомнили день свадьбы и бледного жениха. Впрочем, дурных слов нынче никто не говорил.

— Молод еще твой муж, — добродушно смеялись соседи, — не окреп еще. Пусть ест побольше, со временем заматерееет.

— Да уж, малый он видный и головастый. Такую печку придумал — слов нет, до чего хороша!

— В такие холода только она и спасает. Куда лучше обычной жаровни.

— Сразу видно — ученый человек. Смекалка не чета нашей. И название-то какое — печь «Мир и большая удача». Благодать!

— Нам-то повезло, успели купить. Теперь-то гончар заказы не берет.

Ли Чжоучжоу было радостнее слышать похвалы мужу, чем самому себе. Он только скромно улыбался в ответ. И вот, впервые в жизни, староста сам пригласил его сесть на телеге.

— Садись, Чжоучжоу, — прогудел он. — Место есть.

А всё потому, что и в доме старосты теперь стояла печь. И исправно грела!